

VII

Очень прочны были у отца дружеские связи — прежде всего с самым близким, самым интимным его товарищем и другом Константином Марковичем Аггеевым¹.

Как свидетельствует их корреспонденция², друзья делились всеми своими планами, мыслями, переживаниями, но и этого им казалось мало. Если требовался *срочный* обмен мнений по какому-либо вопросу, энергичный и подвижный К[онстантин] М[аркович] садился в вагон I класса поезда Петербург — Киев и отправлялся на свидание к своему другу³.

Продолжение. Начало публикации см. в: Труды КДА. № 27. К., 2017. С. 178–199.

¹ Протоиерей Константин Маркович Аггеев (1868–1921), известный в России начала XX в. церковный деятель и религиозный мыслитель, был земляком (родился в с. Лутово Богородицкого уезда Тульской губернии, ныне — Воловского района Тульской области, в семье крестьянина), соучеником (обучался в Ефремовском духовном училище в 1877–1881 гг., Тульской духовной семинарии в 1881–1887 гг., Киевской духовной академии в 1889–1893 гг.) и близким другом П. П. Кудрявцева с училищной скамьи. (см. подробнее: Пастушенко Л. А. Аггеев Костянтин Маркович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: енциклопедія: в 2 т. / упоряд. і наук. ред. М. А. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1: А — К. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2015. С. 84–86). После окончания семинарии К. М. Аггеев служил надзирателем в Ефремовском духовном училище (1887–1889), готовясь к поступлению в Томский университет, однако под влиянием П. П. Кудрявцева, обучавшегося с 1887 г. в КДА, принял решение продолжить духовное образование, причем именно в Киеве.

² Под «их корреспонденцией» Е. П. Кудрявцева, как свидетельствует дальнейшее изложение, подразумевает лишь адресованные ее отцу письма К. М. Аггеева. Судьба писем П. П. Кудрявцева, адресованных другу, неизвестна. По сведениям Екатерины Петровны, они не сохранились.

³ С 1903 г. священ. Константин Аггеев жил с семьей в Санкт-Петербурге, где служил законоучителем Александровского женского института и настоятелем Александро-Невской институтской церкви. В феврале 1906 г. перешел на службу в 4-ю (Ларинскую) мужскую гимназию, где занимал должности законоучителя и настоятеля гимназической церкви священикомученицы Татьяны. С сентября того же года параллельно преподавал богословие на Историко-литературных и юридических высших женских курсах М. П. Раева. Защитив в КДА магистерскую диссертацию «Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства» (15.03.1910) и будучи утвержденным Св. Синодом в степени магистра богословия (09.08.1910),

Первый класс он предпочитал третьему не потому, что хотел обособиться от «простого» народа (он был демократом в полном и лучшем смысле этого слова), а потому что никогда не терял ни одной минуты зря. К[онстантин] М[аркович] и тут, пристроившись за вагонным столиком, тотчас же погружался в работу, используя для этого длительный переезд из одного города в другой.

Повидавшись с Петром Павловичем и наговорившись вволю, К[онстантин] М[аркович] иногда в тот же день или же на другой отправлялся обратно в Петербург.

Отрочество и юношеские годы обоих друзей отражены в трогательных воспоминаниях «О друге», посвященных К[онстантину] М[арковичу] моим отцом⁴.

Сохранилась и переписка друзей⁵. К сожалению, она носит односторонний характер, так как сохранились только письма К[онстантина] М[арковича] моему отцу, заботливо сбереженные моей матерью⁶. Письма же отца Константину Марковичу не сохранились, так как вся семья Аггеевых в 20-х годах переехала из Ленинграда (теперь уже) на Украину, покинув все свое имущество в оставленной ими ленинградской квартире⁷.

о. Константин был избран на должность профессора богословской кафедры Психоневрологического института, которую занимал с сентября 1911 г. (с мая 1915 г. — в сане протоиерея). В предреволюционные годы преподавал также историю Церкви на Петроградских высших женских курсах и в Институте высших коммерческих знаний; педагогическое и пастырское служение совмещал с активной церковно-общественной деятельностью и религиозно-публицистическим творчеством. После Февральской революции 1917 г. принимал деятельное участие в реформировании церковной жизни как член совета Всероссийского демократического союза духовенства и мирян; участвовал в подготовке и работе Всероссийского Поместного Собора (1917-1918), был членом Предсоборного совета и заместителем председателя соборного отдела по вопросам духовных учебных заведений. С сентября 1917 г. возглавлял Учебный комитет при Св. Синоде.

⁴ Указанные воспоминания П. П. Кудрявцева о К. М. Аггееве, начатые в 1932 г., но оставшиеся, к сожалению, не оконченными, хранятся в рукописи и ее машинописной копии в архиве Московской духовной академии (см. подробнее: Ткачук М. Л., Бурегу В. В. Материалы к биографии профессора Киевской духовной академии П. П. Кудрявцева в Архиве Московской духовной академии: их предыстория и источниковедческий потенциал // Труды КДА. № 27. К., 2017. С. 164–166). Цитируемый фрагмент выполнен на основании оригинала (Архив МДА. Папка 93. С. 51) и машинописи (Архив МДА. Папка 87. С. 34).

⁵ Адресованные П. П. Кудрявцеву письма К. М. Аггеева за 1888–1918 гг. (в оригиналах и машинописных копиях) хранятся в архиве Московской духовной академии (папки 83, 97), куда были переданы Еленой Константиновной Кисиль (1894 — после 1970), дочерью Константина Марковича, в 1968 г.

⁶ Речь идет о супруге П. П. Кудрявцева Анне Елисеевне Кудрявцевой, возвратившей их дочери К. М. Аггеева Елене Константиновне Кисиль.

⁷ Глава семьи о. Константин Аггеев был вынужден оставить Петроград вскоре после установления советской власти. Выехав в Крым (1918), подконтрольный Вооруженным силам Юга России генерала А. И. Деникина, он жил вместе с сыном Иваном в санатории духовного ведомства в поселке Алупка (сейчас — город) вблизи Ялты. Преподавал в Севастопольском высшем социально-юридическом институте в качестве профессора; служил в ялтинском Александро-Невском соборе. Иван Аггеев, студент Киевского политехнического института и Петроградской

Дружба П[етра] П[авловича] и К[онстантина] М[арковича] перешла и к нам, их детям, тем более, что мы — старшие — были почти однолетки. Правда, в школьные годы мы общались мало: расстояние Киев — Ленинград разделяло нас, и шумная ватага аггеевских детей появлялась в нашей квартире только летом по пути в Староселье⁸, куда они ехали на летние каникулы к бабушке и дедушке. Но с приходом революции многое изменилось. Семья К[онстантина] М[арковича] переехала из Петербурга на юг — частично в Киев, частично в Златополь (городок на юге Киевской губернии)⁹, и отношения между членами двух семей перешли в область реального.

Не могу не сказать несколько слов о старшей дочери Константина Марковича — Елене Константиновне, Люсе, как ее звали в семье¹⁰. Елена Константиновна была близким, задушевным другом не только моего отца, но и матери, которая называла ее даже «своей третьей дочерью». Несмотря на разницу лет, отца связывала с Люсей и общность интересов, и самые тесные дружеские отношения, какие только возможны между близкими людьми.

В 1917 году Елена Константиновна вышла замуж за Алексея Григорьевича Киселя, преподавателя Ларинской гимназии в Петербурге. В 20-х годах Александра Григорьевича — украинца (черниговца) потянуло на родину — на Украину¹¹. И тут он впервые появился в нашей семье.

сельскохозяйственной академии, нес службу в одном из Алушкинских лазаретов. После захвата Ялты регулярными частями Красной армии (в ноябре 1920 г.) отец и сын Аггеевы был арестованы чекистами. По постановлению Чрезвычайной Тройки Крымской ударной группы управления особых отделов ВЧК Южного и Юго-Западного фронтов от 4 января 1921 г. расстреляны в усадьбе Багреевка (пригород Ялты) и похоронены там же в братской могиле.

⁸ Имеется в виду с. Великое Староселье Черкасского уезда Киевской губернии (сейчас — с. Староселье Городищенского района Черкасской области), в котором жили родители супруги о. Константина Аггеева — Марии Ивановны (в девичестве Чернявской). Ее отец (и, соответственно, дедушка «аггеевских детей»), священник Иоанн Чернявский, в течение многих лет служил настоятелем местной Иоанно-Предтеченской церкви.

⁹ В 1959 г. Златополь был присоединен к соседнему г. Новомиргороду Кировоградской области.

¹⁰ Речь идет о Елене Константиновне Аггеевой, в замужестве — Кисиль (1894 — не ранее 1978).

¹¹ Александр Григорьевич Кисиль (настоящая фамилия — Киселев, 1889–1937) — украинский театровед и литературовед, родился в с. Красиловке Черниговской губернии (сейчас — Козелецкого района Черниговской области). После окончания отделения словесности историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1912) преподавал в Ларинской гимназии Петрограда (1912–1917). Как свидетельствуют документы и материалы к биографии А. Г. Киселя, хранящиеся в Государственном архиве Черниговской области (Ф. Р-1052), в брак с Еленой Константиновной Аггеевой он вступил не в 1917, а в 1912 г. В 1917 г. вместе с супругой переехал в Киев, продолжив педагогическую деятельность. Преподавал на инструкторско-режиссерских курсах «Днепросоюз» (1917–20), в Киевском музыкально-драматическом институте имени Н. Лысенко (1918–1920, 1922–1934), Индустриальном техникуме (1922–1930), Индустриальном институте (1930–1937). В 1920-х гг. сотрудничал с ВУАН, где возглавлял театральную секцию Института украинского научного языка (1921–1930); состоял внештатным сотрудником Украинского театрального музея ВУАН (1926–1934). Стал известен

Сразу же между Александром Григорьевичем и всеми нами — Кудрявцевыми — установились теплые, дружеские отношения, он стал в нашей семье в полном смысле слова «своим». Это был человек большой культуры, всесторонне образованный, с жаром отдававший своею делу — истории украинского театра. Часто по вечерам у нас в столовой А[лександр] Г[ригорьевич] знакомил нас с произведениями украинских классиков и современных поэтов, читая вслух (а чтец он был превосходный) то пьесы Леси Украинки, то стихи Сосюры¹². Смастеривши собственный челн, «дуб» по-украински¹³, он катал нас по очереди (места в челне были строго ограничены) по Днепру и его заливам, обращая наше внимание на красоты днепровских берегов, наслаждаясь особым запахом «верболюзы» — ивняка, покрывавшего отдельные острова.

У Елены Константиновны был прекрасный голос и незаурядные музыкальные способности. Очень, очень любил отец ее пение... Пела она и в официальных выступлениях (концертах и общественных местах), и в домашней (камерной) обстановке. Как сейчас помню исполнение ею романсов Чайковского¹⁴ в гостиной Рыбинских (наших общих друзей). Рыбинская Варвара Алексеевна¹⁵ аккомпанирует на рояли. Люся поёт. Мы все с наслаждением слушаем... А под окнами и на площадках соседних квартир собирается публика, услышав ее прекрасный голос и желая хоть инкогнито приобщиться к этому музыкальному вечеру.

Только один факт остался тяжелым, даже не тяжелом, а грустным воспоминанием на фоне многолетней дружбы отца с Люсей... Дело в том, что в 1940 году сестра моя с семьей жила в городе Новгород-Северске — живописном старинном городке на Черниговщине¹⁶... И вот Люся сговорила с папой поехать в гости к сестре, с которой она, как и со всеми членами нашей семьи, была связана узами теплых, дружеских отношений. Приехала Елена Константиновна в Киев и из-за сильного дождя не могла в тот же вечер спуститься к нам на Подол (часть города, где отец прожил всю свою жизнь) ... На другой день с самого утра она явилась к нам, но отца уже в живых не застала: в ночь с 6 на 7 июля (в ночь на «Ивана Купала») папа скончался!¹⁷ Представьте себе горе Люси, которая не смогла проститься с ним!..

как автор работ, посвященных истории украинского театра. В сентябре 1937 г. А. Г. Кисиль был арестован органами НКВД. Расстрелян в Лукьяновской тюрьме г. Киева. В 1957 г. реабилитирован.

¹² Сосюра Владимир Николаевич (1898–1965) — украинский поэт и писатель.

¹³ Имеется в виду плоскодонная лодка, выдолбленная из цельного ствола дерева.

¹⁴ Чайковский Петр Ильич (1840–1893) — русский композитор и дирижер.

¹⁵ Варвара Алексеевна Рыбинская (в девичестве Владимирова, 1878 г. р.) — супруга профессора КДА Владимира Петровича Рыбинского.

¹⁶ Правильно — Новгород-Северский (районный центр в Черниговской области).

¹⁷ В другом фрагменте воспоминаний (в настоящем издании отмечено прим. 100) Е. П. Кудрявцева указывает, что П. П. Кудрявцев скончался в ночь с 7 на 8 июля, при этом ошибочно счи-

* * *

Папа был человеком очень общительным, и много было у него друзей — и школьных, как, например, Зеленецкий, математик, живший всегда в Петербурге и изредка приезжавший к нам¹⁸, и людей, связанных с ним по общей общественной деятельности, и друзей из академической корпорации одного с ним прогрессивного направления.

Из последних необходимо, прежде всего, остановиться на Владимире Петровиче Рыбинском и Василии Ильиче Экземплярском¹⁹.

Владимир Петрович был самым близким, самым интимным другом всей нашей семьи. Он был крестным отцом брата моего Сережи и сестры Бландины... Ни одного праздника, ни одного сколько-нибудь знаменательного дня в семье не проходило без участия Владимира Петровича... А дочь Рыбинских — Наташа (Наталья Владимировна) была и остается до сих пор моей лучшей подругой.

С Владимиром Петровичем Рыбинским, помимо личной симпатии, отца связывало еще и положение их в духовной академии, как принадлежавших к одному и тому же прогрессивному направлению («левой профессуре»)²⁰. Отец был одним из лидеров этого направления и в лице Владимира Петровича находил всегда и единомышленника, и мудрого советника.

Взгляды их на свою деятельность в качестве профессоров Киевской Академии *частично* выражены ими в «Правде о Киевской духовной ака-

тая соответствующими этим датам 23 и 24 июня по старому стилю (полагалось бы — в ночь с 24 на 25 июня) В то же время, ни одна из названных ею дат не совпадает с днем смерти, указанным на надгробном кресте П. П. Кудрявцева, похороненного на Соломенском кладбище Киева — 27 июня. Судя по надписи на табличке «Отцу от дочери» и принимая во внимание тот факт, что Екатерина Кудрявцева, в силу трагических жизненных обстоятельств, не присутствовала при кончине отца, можно предположить, что дата 27 июня указана другой дочерью Петра Павловича — Бландиной; в то же время, сохранившийся крест мог быть поставлен и в более позднее время — Екатериной. Выяснение точной даты смерти П. П. Кудрявцева, учитывая указанные противоречия, требует дополнительных архивных изысканий.

¹⁸ Установить личность не удалось.

¹⁹ Василий Ильич Экземплярский (1874–1933), сын выдающегося церковного иерарха Иеронима (Ильи Тихоновича Экземплярского, 1836–1905), закончившего свое архиерейское служение в сане архиепископа Варшавского и Привисленского. — выпускник (1896–1901) и профессор КДА по кафедре нравственного богословия, которую замещал в 1902–1912 и 1917–1919 гг., богослов, религиозный мыслитель, церковный деятель, один из лидеров киевской либеральной духовно-академической профессуры (см. подробнее: Ткачук М. А. Экземплярский Василь Ілліч // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 1. С. 488–493).

²⁰ Речь идет о либерально настроенной части преподавательской корпорации КДА (П. П. Кудрявцев, В. П. Рыбинский, В. И. Экземплярский, Н. И. Петров, Н. М. Дроздов, В. З. Завитневич, И. П. Четвериков и др.), стремившейся к конструктивным реформам духовного образования и церковной жизни и отстаивавшей академические права и свободы. См. подробнее: Ткачук М. А. Київська духовна академія в освітянському «автономізаційному» русі початку ХХ століття // Київська Академія. Вип. 4. К., 2007. С. 149–165; Ее же. Трансформационные процессы в духовной школе начала ХХ века: опыт Киевской духовной академии // Труды Київської духовної академії. № 14. К., 2011. С. 121–129.

демии. Вынужденный ответ на изданную Архиепископом Волинским Антонием брошюру «Отчет по высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии в марте и апреле 1908 года»²¹.

«Правда» — это опровержение ложных, с точки зрения подписавших ее профессоров, выводов архиепископа Антония²², производившего ревизию Академии за период 1905–1908 гг.²³

²¹ См.: Правда о Киевской духовной академии. Вынужденный ответ на изданную архиеп. Волинским Антонием брошюру «Отчет по высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии в марте и апреле 1908 года». [Сб.]. К., 1910. 144 с.

²² Имеется в виду известный церковный и общественный деятель, богослов, педагог Антоний (Алексей Павлович Храповицкий, 1863–1936), епископ (с 1906 — архиепископ) Волинский и Житомирский в 1902–1914 гг., впоследствии — митрополит Киевский и Галицкий (с 1918) и первый предстоятель Русской Православной Церкви Заграницей (1920–1936). См. подробнее: Ткачук М. Л. Антоній (Храповицький Олексій Павлович) // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 1. С. 138–146.

²³ Упомянутая ревизия КДА была произведена архиепископом Антонием (Храповицким) по поручению Св. Синода в марте — апреле 1908 г. Исповедуя консервативные взгляды правового толка, в обнародованном отчете о результатах ревизии (см.: Антоний, архиеп. Отчет по высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии в марте и апреле 1908 года. Почаев, 1909. 72 с.), архиепископ Антоний не сумел избежать идеологической предубежденности и предвзятого отношения к либерально настроенной профессуре. Полагаясь не только на собственные впечатления, но и на сплетни, слухи и анонимные доносы, в своем отчете Антоний создал картину сплошной «деградации» КДА, пребывавшей с 1905 г. в фарватере реформ православных духовных учебных заведений Российской империи, направленных на утверждение в их жизни и деятельности базовых академических прав и свобод. Вину за будто бы «уклонение» Киевской Академии от своего пастырского предназначения и господство в ее стенах «анархических», «антицерковных», «светских» и «нигилистических» настроений, упадок дисциплины, учебного процесса и научной деятельности архиепископ Антоний возложил на либеральных профессоров как сторонников принципа духовно-академического самоуправления. В своих обобщениях он высказал глубокое убеждение не только в совершенной неготовности высшей духовной школы к внедрению академической автономии, но и в принципиальной угрозе со стороны последней по отношению к Церкви и обществу.

Тем не менее, в своих характеристиках и выводах архиепископ Антоний не избежал и очевидных противоречий. В частности, говоря об антирелигиозных настроениях студентов КДА, он отмечал и религиозную ревность значительной их части; не жалея уничижительных эпитетов в адрес «левой» профессуры, положительно отзывался о преподавательской и научной деятельности, а также личной преданности Церкви ее представителей — священника А. А. Гаголева, Н. М. Дроздова, В. И. Экземплярского, В. З. Завитневича, П. П. Кудрявцева, В. П. Рыбинского, М. Н. Скабаллановича, протоиерея Ф. И. Титова и др.); выявляя симпатии к «правым» профессорам КДА (С. Т. Голубеву, К. Д. Попову и др.), он не скрывал разочарования от их лекций.

Безосновательные обвинения архиепископа Антония, высказанные в его отчете, имели большой общественный резонанс, побудив либерально настроенных членов преподавательской корпорации КДА (профессоров Н. И. Петрова, А. В. Розова, Н. М. Дроздова, В. З. Завитневича, В. П. Рыбинского, П. П. Кудрявцева, Н. Ф. Мухина, Н. К. Маккавейского, Ф. И. Мищенко, В. И. Экземплярского, доцентов М. Н. Скабаллановича, И. П. Четверикова, В. Д. Попова, В. Ф. Ивановича) во главе с ректором епископом Феодосием (Олтаржевским) к их публичному опровержению в упомянутом выше сборнике «Правда о Киевской духовной академии». В сборнике опубликован также текст заявления в Св. Синод предшественника Феодосия (Олтаржевского) на посту ректора КДА, архиепископа Платона (Рождественского), изобличающего отчет Волинского преосвященного как «свод сплетен и пересуд о несуществующих фактах» (Правда о Киевской духовной академии. С. 50).

Конечно, по характеру, по темпераменту эти два человека — отец и Владимир Петрович — были полной противоположностью: Владимир Петрович всегда абсолютно спокойный, рассудительный, мудрый (иного слова не подберу) и отец — легко возбудимый, нервный, горячий, часто несдержанный. Но близки они были очень. Дружба их прошла через всю жизнь. Даже когда семья их переехала в 1932 году в Баку²⁴, Владимир Петрович находил возможность почти ежегодно приезжать в Киев. Последний раз друзья виделись, кажется, за два года до смерти папы († 7/VII.40 г.²⁵). Владимир Петрович пережил отца почти на 4 года († январь [19]44 г.).

Василий Ильич Экземплярский, профессор нравственного богословия, был другом не только моего отца, но и матери, как и многие другие из близких моему отцу лиц. Помимо того, что проф. Экземплярский, как и проф. Кудрявцев, принадлежали к одной и той же прогрессивной группе профессоров в Академии, они были связаны и как члены религиозно-философского общества, где папа был председателем²⁶, и по сотрудничеству в журнале «Христианская мысль», издательство которого, как мне кажется, Василий Ильич субсидировал из своих личных средств²⁷. Оба они принимали большое участие в свящ. о. Анато-

²⁴ После закрытия КДА В. П. Рыбинский преподавал Священное Писание Ветхого Завета в Киевской православной богословской академии (1920-1924); читал лекции по истории Востока в Киевском народном университете (1920); долгое время занимал должность учителя русского языка в одной из трудовых школ Киева (1918-1930). В 1920-х гг. продолжал научную деятельность, сотрудничая с ВУАН (Еврейской историко-археографической и Византологической комиссиями, Комиссией по правописанию) и Всеукраинской научной ассоциации востоковедения (в частности, с историко-этнологическим отделом и семитологической секцией).

После идеологических «чисток» ВУАН В. П. Рыбинский, оставшийся без работы, принял решение уехать из Киева. С 1932 г. он жил вместе с семьей в предместье г. Баку Сабунчи; работал переводчиком в Азербайджанском научно-исследовательском институте (1933-1938), преподавал в Бакинском государственном университете и Педагогическом институте старославянский язык, историю языка и историческую грамматику (1939-1944). Умер в Баку, до последнего дня занимаясь преподавательской деятельностью; похоронен в Сабунчи.

²⁵ Ср. с фрагментами воспоминаний Е. П. Кудрявцевой, отмеченными в настоящем издании примечаниями 17 и 100. См. также текст прим. 17.

²⁶ Активный член Киевского религиозно-философского общества с первых дней его существования, именно В. И. Экземплярский сменил П. П. Кудрявцева на посту председателя (1912-1917). С 1914 г. он входил (так же, как и П. П. Кудрявцев) в совет Научно-философского общества при Университете Св. Владимира.

²⁷ В ноябре 1915 г. В. И. Экземплярский получил разрешение киевского генерал-губернатора на издание на собственные средства журнала «Христианская мысль», призванного стать «органом православного самосознания», «служить, по мере сил, росту христианской мысли в России, отвечая на религиозные вопросы современного общества и содействуя выяснению в его сознании подлинно христианских основ жизни». «Христианская мысль» издавалась в Киеве в 1916-1917 гг. (вышло 24 номера). Наряду с В. И. Экземплярским, редактором-издателем журнала, активное участие в его подготовке принимали П. П. Кудрявцев, В. В. Зеньковский, П. В. Тихомиров, В. З. Завитневич, И. П. Четвериков и др. киевские профессора. Среди авторов «Христианской мысли» были такие известные религиозные мыслители, как С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, А. В. Карташёв, В. А. Кожевников, П. А. Флоренский,

лии Жураковском, окончившем философский факультет университета, но не имевшем специального богословского образования и пополнявшем свои знания в этой области у Василия Ильича²⁸. В период издания «Христианской мысли» Василий Ильич почти ежедневно бывал у нас, так как и жили мы не только на одной улице (Волошской), но и почти что рядом: мы в восьмом номере, он — в четвертом... Многое, очень многое, объединяло этих двух людей!

Большое волнение среди друзей Василия Ильича вызвало его увольнение из Академии вследствие статьи его, озаглавленной: «Гр. А. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взглядах на жизненное значение заповедей Христовых». Киев, 26 августа 1911 г.²⁹

Лев Шестов и др. На страницах журнала систематически печатались доклады и статьи членов Киевского религиозно-философского общества. Ряд их работ был напечатан издательством «Христианской мысли» отдельными тиражами.

²⁸ Анатолий Евгеньевич Жураковский (1897–1937) — киевский священник, религиозный философ и богослов, выпускник историко-филологического факультета Университета св. Владимира, где учился в 1915–1920 гг. (с перерывом на военную службу в 1916–1917 гг.). Приняв священнический сан (1920), о. Анатолий создал православную общину из представителей, преимущественно, молодого поколения киевской интеллигенции, деятельно исповедовавшую христианские ценности и отстаивавшую православные убеждения, не приемля никаких компромиссов в отношениях между Церковью и государством. В 1920-х — начале 1930-х гг. община о. Анатолия Жураковского являлась значимым центром религиозной жизни Киева и пребывала в оппозиции как к церковному обновленчеству, так и к утверждению в церковной среде политики лояльного отношения к советской власти, провозглашенной в известной декларации митрополита Сергия (Страгородского). И о. Анатолий, и большинство членов его общины подвергались неоднократным арестам, ссылке, тюремному заключению. В сентябре 1931 г., после годичного пребывания в Лукьяновской тюрьме, на Лубянке и в Бутырке, А. Е. Жураковский был приговорен по делу иосифлянских пастырей к расстрелу, замененному, однако, на 10 лет лагерей. В октябре 1937 г., отбывая срок, был подвергнут очередному аресту и вскоре расстрелян на станции Медвежья гора (Сандармох) в Карелии. В 1981 г. о. Анатолий Жураковский был канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей; в 1989 г. реабилитирован (подробнее о жизни и подвижничестве о. Анатолия см.: Проценко П. Г. К незакатному Свету. Анатолий Жураковский: пастырь, поэт, мученик, 1897–1937. М.: ПСТГУ; Эксмо, 2017. 784 с.).

Знакомство ^{А. Е.} Жураковского с П. П. Кудрявцевым и В. И. Экземплярским произошло еще в 1911–1912 гг., когда церковно настроенный гимназист начал посещать заседания Киевского религиозно-философского общества, членом которого он стал в 1915 г. Ярким свидетельством его стремления к сочетанию религиозного опыта с глубоким философским осмыслением вероисповедных истин стали доклады, сделанные на заседаниях религиозно-философского общества в 1916–1917 гг., а также статьи, опубликованные в журнале «Христианская мысль». Работе над ними особенно способствовало общение с духовно близкими людьми — В. И. Экземплярским, П. П. Кудрявцевым, В. В. Зеньковским, ставшими для А. Е. Жураковского наставниками в разуме и вере. В 1920-х гг., поддерживая с о. Анатолием давние дружеские отношения, П. П. Кудрявцев и В. И. Экземплярский периодически устраивали богословские «лектории» для членов его общины.

²⁹ В. И. Экземплярский был уволен от службы в КДА 10 апреля 1912 г. по указу Св. Синода от 5 апреля 1912 г. (соответствующий «высочайший приказ по гражданскому ведомству» вышел 28 мая 1912 г.). Официальной причиной синодального вердикта о преподавательской деятельности В. И. Экземплярского, как «несогласной с требованиями высочайше утвержденного устава духовных академий и вредной», стал его доклад «Гр. А. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых», сделанный 30 ноября 1911 г. на заседании Киевского религиозно-философского общества и положенный в основу одноименной

Не вдаваясь в оценку этого труда, что, конечно, намного превышает мою компетенцию в этом вопросе, хочу привести некоторые выдержки из брошюры (потому что это только брошюра — 61 стр.)³⁰.

На стр. 59: «Толстой не учитель Церкви. Та “часть истины”, которая прошла через его сознание, уже с первых веков христианства заключена в творениях великих провозвестников церковного учения, и заключена во всей полноте, потому что утверждается на живом камне, который есть Христос, Единородный Сын Божий. Но гр. Л. Н. Толстой — это живой укор нашему христианскому быту и будитель христианской совести. Дремлет эта совесть... Высоко поднимаются храмы христианские и много их по лицу земли, этих символов того, что победил Галилеянин. Но вне стен этих храмов жизнь течет по своим законам, глубоко враждебным тому, что возвещается в Евангелии, и приносятся непрестан-

статьи, опубликованной в январе 1912 г. в сборнике московского издательства «Путь» (см.: Экземплярский В. И. Гр. Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых // Сб. 2: О религии Льва Толстого. М., 1912. С. 76–113). С точки зрения Св. Синода, «вина» В. И. Экземплярского состояла в том, что он «дерзнул сопоставлять великого Учителя Церкви святого Иоанна Златоуста с отлученным от Церкви за отрицание ее и ее учения писателем графом Львом Толстым...» и называть последнего «великим усопшим проповедником», а также позволяя себе систематически хулить «господствующее направление современного богословия» и его «некоторых почтенных академических представителей».

В действительности же упомянутые доклад и статья В. И. Экземплярского стали лишь формальным поводом для расправы с инакомыслящим коллегой и неудобным оппонентом, инспирированной лидерами «правой» профессуры КДА при поддержке тогдашнего ректора епископа Иннокентия (Ястребова) и митрополита Киевского и Галицкого Флавиана (Городецкого). Резонансное «дело Экземплярского», искусственно созданное на основании банального доноса и искажения содержания и замысла указанной статьи с помощью «вырванных» из контекста цитат, оказалось не только яркой иллюстрацией непримиримой «борьбы партий» и атмосферы интриг, разьедавших Киевскую духовную академию изнутри в последнее десятилетие ее существования: одним из его последствий стал синодальный запрет преподавателям духовных учебных заведений (от 13 апреля 1912 г.) входить в состав каких-либо обществ, не утвержденных церковной властью.

Подробнее об обстоятельствах и причинах увольнения В. И. Экземплярского из КДА см.: Ткачук М. А. За що його засудили? (До історії вигнання з Київської духовної академії професора В. Екземплярського) // Київська Академія. Вип. 8. К., 2010. С. 64–78.

³⁰ См.: Экземплярский В. И. За что меня осудили? 1. Несколько слов уволенного профессора духовной академии в защиту своего богословского направления. 2. Гр. Л. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взглядах на жизненное значение заповедей Христовых. К., 1912. 61 с. Эта брошюра была издана В. И. Экземплярским уже после его увольнения с должности профессора КДА с целью публичного изложения своего видения действительных причин и обстоятельств происшедшего, а также прояснения цели и сути статьи о Льве Толстом, послужившей поводом для его изгнания с кафедры. Вопреки мнению тех, кто истолковывал (и истолковывает) эту статью как «выступление в защиту» отлученного от Церкви писателя, киевский профессор нравственного богословия стремился «защитить» вовсе не Л. Н. Толстого, а тот краеугольный, по его убеждению, принцип христианской этики, в соответствии с которым «пробным камнем качества и совершенства существующих жизненно-бытовых форм и отношений» должен быть воплощенный Христом и отраженный в его заповедях «верховный святой идеал», являющийся той нравственной «планкой», стремиться к которой должны человек и общество (см.: Экземплярский В. И. Несколько слов уволенного профессора духовной академии в защиту своего богословского направления. С. 14).

ные жертвы богам иным. И усыпляется совесть этим мнимо-христианским бытом, и сладко сознание, что можно считать себя последователем Христа, сделав Его крест украшением своей жизни, но не нося на себе тяжести этого креста. Дремлет совесть, и не нарушает покоя ее слабый голос церковных проповедников»³¹.

На стр. 61: «...для всех, ищущих обетованной земли, тоскующих по ней, дороги эти самоотверженные вожди человечества, хотя бы они вели людей в землю обетования и не прямой дорогой, и благодарная память о них не умирает. Василий Экземплярский. Киев, 26 августа 1911 г.»³²

Проф. Экземплярский был уволен из Академии, но студенты, слушатели его, отнюдь не были согласны с постановлением администрации. Многие из них в знак протеста против его увольнения отказались посещать лекции его преемника по кафедре нравственного богословия проф. А. Соколова³³. Об этом говорил мне бывший слушатель Василия Ильича, в настоящее время — профессор Московской духовной академии, М. А. Старокадомский³⁴. В результате появился «ответ» —

³¹ См.: Экземплярский В. И. За что меня осудили? С. 59–60.

³² См. там же. С. 61.

³³ Выпускник Московской духовной академии (1890–94) Леонид Александрович Соколов (1870–1921) — богослов, педагог, литературовед — был утвержден в должности и. о. доцента вакантной после увольнения В. И. Экземплярского, кафедры нравственного богословия КДА в декабре 1912 г. После защиты магистерской диссертации — доцент (1915) и экстраординарный профессор (1918) этой кафедры. Незадолго до окончательного закрытия КДА перешел (в сентябре 1919 г.) на кафедру педагогики. Подробнее о нем см.: Ткачук М. Л. Соколов Леонид Александрович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: енциклопедія в 2 т. / упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 2: Л — Я. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2016. С. 592–594.

³⁴ Михаил Агафангелович Старокадомский (1889–1973) учился в КДА в 1910–1914 гг., окончив ее со степенью кандидата богословия. В предреволюционные годы преподавал в духовных учебных заведениях. В советское время, поселившись в Подмосковье, работал в системе среднего образования как преподаватель, учитель-методист, завуч. Закончив в 1942 г. заочное отделение географического факультета Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина и получив в 1948 г. степень кандидата географических наук, остался на факультете в качестве преподавателя. Одновременно некоторое время заведовал кафедрой географии Московского института усовершенствования учителей. После выхода на пенсию (1956) до конца жизни преподавал в Московской духовной академии (с апреля 1963 г. — в звании профессора); защитил магистерскую (1963) и докторскую (1969) диссертации по богословию. Подробнее о нем см.: Пастушенко Л. А. Старокадомський Михайло Агатангелович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: енциклопедія в 2 т. / упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 2: Л — Я. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2016. С. 611–614.

М. А. Старокадомскому принадлежат «Воспоминания о профессоре Киевской духовной академии Петре Павловиче Кудрявцеве», написанные в конце 1960-х — начале 1970-х гг. и хранящиеся в архиве Московской духовной академии, а также (в машинописном виде) в киевских Музее одной улицы (частично опубликованы Л. А. Пастушенко в 2010 г.: Старокадомский М. А. Воспоминания о профессоре Киевской духовной академии Петре Павловиче Кудрявцеве / публ., предисл. и прим. Л. А. Пастушенко // Київська Академія. Вип. 8. К., 2010. С. 61–64) и Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины (полный текст

«Прощальное слово профессора нравственного богословия к своим бывшим слушателям»³⁵, начальные строки которого гласят: «Думалось мне, что с лишением меня академической кафедры навсегда замолкнет мое слово, как слово профессора, обращенное к студентам Академии. Но ваша любовь, дорогие друзья, ваше доверие стали выше юридических отношений, и вы не постыдились и лишённого кафедры назвать своим учителем» (26 сентября 1912 г.)³⁶.

Увольнение из Академии не сломило духа проф. Экземплярского. Он всегда оставался верен себе: неизменно твердый, спокойный, «собранный», целеустремленный, непоколебимо преданный своим взглядам и убеждениям. И это несмотря на то, что в последние годы жизни он потерял зрение³⁷. Но и будучи слепым, он оставался в центре церковно-общественной жизни, был духовным наставником и руководителем многих и многих «ищущих», «взыскующих града»³⁸.

Обаяние его личности было настолько велико, что всегда около него группировалась молодежь, среди которых находились и лица, посвятившие себя уходу за слепым профессором. Не могу не упомянуть здесь о Зинаиде Васильевне Баккалинской³⁹, остававшейся при Василии Ильиче до его кончины (а умер он сравнительно рано, не дожив и до 60 лет)⁴⁰. После смерти В[асилия] И[льича] она уехала в Чехословакию к родным — матери и сестре⁴¹, но почти ежегодно посещала Киев, т. е. могилу Василия Ильича, пользуясь тем, что до конца своих дней она сохраня-

опубликован В.И. Ульяновским: См.: дополнение №1 («Воспоминание о П.П. Кудрявцеве М.А. Старокадомского») к статье: Кудрявцев Петр Павлович // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф.И. Титова и архива КДА / сост. В.И. Ульяновский. Т. 2: К — П. К., 2015. С. 156–158).

³⁵ См.: Экземплярский В.И. Прощальное слово профессора нравственного богословия к своим бывшим слушателям. К., 1912. 27 с.

³⁶ См. там же. С. 3.

³⁷ В.И. Экземплярский страдал тяжелой болезнью глаз с детства (на протяжении пяти лет был почти незрячим; перенес около десятка офтальмологических операций). Голод и лишения революционных и военных лет привели к обострению болезни: уже в 1920 г. Василий Ильич практически ослеп. Попытки восстановить зрение, предпринятые в последующие годы, оказались безуспешными.

³⁸ В частности, В.И. Экземплярский преподавал нравственное богословие в Киевской православной богословской академии, действовавшей в 1920–1924 гг. Кроме того, в 1920-х гг. проводил в своей квартире богословские лекции-беседы для членов общины о. Анатолия Жураковского.

³⁹ З.В. Баккалинская (1895–1969) в 1920-х гг. стала женой В.И. Экземплярского. Благодаря ее записям, сохранились тексты лекций-бесед В.И. Экземплярского за 1927–1929 гг. (впервые опубликованы протоиерем Генриком Папроцким в возрожденном киевском журнале «Христианская мысль» в 2005–2006 гг.; впоследствии они составили книгу: Жизнь и Свет: богословские беседы В.И. Экземплярского. М.: ПСТГУ, 2009. 284 с.).

⁴⁰ В.И. Экземплярский умер от гриппозной пневмонии 3 июля 1933 г. на 58-м году жизни. Похоронен на Соломенском кладбище Киева (могила сохранилась).

⁴¹ Речь идет об Агнии Ивановне Баккалинской (1862–1947) и Вере Васильевне Баккалинской (1898–1979) — матери и сестре Зинаиды Баккалинской.

ла советское подданство и советский паспорт, не допуская мысли о том, что она может окончательно порвать с родиной. Скончалась Зинаида Васильевна в Брно в апреле 1970 г.⁴² Не дожидаясь очередной поездки в Советский Союз, запланированной ею и нами, ее друзьями, на лето того же года. Великая труженица, она не имела возможности поступить на работу вне дома (чтобы не оставлять Василия Ильича надолго в одиночестве) и потому занялась на дому изготовлением детских игрушек, что и делала со свойственным ей вкусом. Уехав в Брно к родным, она и там всецело отдалась уходу за близкими — матерью и зятем (мужем сестры) — проф. Новотным⁴³... Впрочем, не только близкие пользовались ее вниманием... Она чутко, непосредственно откликалась на всякое горе, оказывала помощь всюду, где только была нужна...

Мир праху твоему, верный друг Василия Ильича!

Большим другом папы и всей нашей семьи был Павел Васильевич Тихомиров. Он учился с папой в семинарии, а потом их пути разошлись, так как Павел Васильевич был направлен по окончании семинарского курса в Московскую академию, а папа — в Киевскую. Однако в дальнейшем друзьям снова суждено было встретиться. Дело в том, что Павел Васильевич оказался профессором философии в Нежинском лицее кн. Безбородко, теперешнем Педагогическом институте им. Гоголя. Будучи профессором Нежинского лицея, Павел Васильевич вел курс лекций в Университете св. Владимира⁴⁴ и раз в неделю, приезжая в Киев, всегда останавливался у нас. В нашей квартире по Волошской улице № 11 была

⁴² З. В. Бакалинская умерла 21 апреля 1969 г. Похоронена на Центральном кладбище Брно.

⁴³ Имеется в виду Франтишек Новотный (František Novotný, 1881–1964), профессор классической филологии философского факультета Университета Масарика в Брно. С 1931 г. он состоял в браке с Верой Васильевной Бакалинской, сестрой Зинаиды Бакалинской.

⁴⁴ Земляк и друг П. П. Кудрявцева с семинарской скамьи Павел Васильевич Тихомиров (1868–1937) — философ, историк философии, богослов — родился в с. Изволь Алексинского уезда (ныне — района) Тульской губернии (ныне области) в семье священника. По окончании Тульской духовной семинарии (1882–1888) учился в Московской духовной академии (1888–1893), затем был ее профессорским стипендиатом (1893–1894), и. о. доцента кафедр еврейского языка и библейской археологии (1895–1897) и истории философии (1897–1903). Защитив магистерскую диссертацию (1903), замещал кафедру истории философии МДА в звании доцента (1903) и экстраординарного профессора (1903–1906). Прослушав в 1894–1895 гг. ряд естественнонаучных курсов в Московском университете, совмещал службу в МДА с преподаванием в средних учебных заведениях Москвы. В 1905–1906 гг. преподавал также в Московском университете в качестве приват-доцента.

Осенью 1906 г. П. В. Тихомиров был назначен экстраординарным профессором кафедры философии Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (сейчас — Нежинский государственный университет им. Н. В. Гоголя), где преподавал логику, психологию, историю философии, педагогику, руководил студенческим философским кружком. По совместительству с 1907 г. состоял в должности приват-доцента кафедры философии Университета св. Владимира, читая курсы по философии Ницше, Канта, лекции по логике, психологии. Преподавал философские дисциплины на Высших женских курсах и в Коммерческом институте. В 1908–1919 гг. возглавлял педагогический совет Нежинской частной женской гимназии П. И. Кушакевич. В 1916 г., при поддержке профессоров Нежинского историко-филологического института, от-

и «комната Павла Васильевича». С виду он производил впечатление несколько сурового человека; говорил он как-то медленно, внушительно, ходил плавно, «важно», но на деле это был добрейшей души человек. Личная жизнь у него не удалась. Я знаю, что в молодости, в Москве, он женился на девушке, окончившей медицинский институт⁴⁵, но почему-то вскоре супруги разъехались (думаю, что не разошлись официально, так как в дореволюционное время процесс этот был делом сложным), и Павел Вас[ильевич], покинув Москву, оказался в Нежине... Своих детей у него не было. Но были дети приемные. Шла первая империалистическая война... Домработница Маша сошлась с каким-то солдатом, который на своих военных дорогах задержался на какое-то время в Нежине. В результате появился ребенок — девочка Домна. Куда деваться с ребенком? Кто будет держать такую «прислугу»? Однако Пав[ел] Вас[ильевич] оставил Машу по-прежнему у себя, а девочку в последствии усыновил⁴⁶, дав ей соответствующее воспитание и образование. Мать была этому несказанно рада. Рано овдовела сестра Павла Васильевича, остались дети-сироты. И этих призрел и воспитал Пав[ел] Вас[ильевич]. Старшая Нина училась в Киеве на Высших женских курсах (будучи студенткой, она бывала в нашем доме); брат ее Женя жил у Павла Васильевича на квартире и учился в Нежинской мужской гимназии, остальные дети и мать их получали систематическую помощь... Так же любил Пав[ел] Вас[ильевич] и животных. Всегда были у него какие-то «зверюшки». Очень импонировал мне, например, солидный крупный поугай, сидевший на жердочке в клетке, помещавшейся в столовой, и время от времени басом, человеческим голосом произносивший: «попка»! И нам — детям — Павел Васильевич время от времени привозил из Нежина какое-нибудь зверье. Но не очень-то обрадовалась наша мама, когда привезенные им белые мыши стали неожиданно быстро размножаться...

крыл в Нежине частные Высшие женские историко-филологические курсы, действовавшие до 1920 г. (с 1918 — как Нежинские высшие женские курсы, государственное учебное заведение).

Вместе с П. П. Кудрявцевым П. В. Тихомиров был одним из инициаторов и соучредителей Киевского религиозно-философского общества (1908–1919), а также его председателем в 1908–1910 гг.

⁴⁵ В 1897 г. П. В. Тихомиров вступил в брак с Любовью Васильевной Соколовой (1878 — после 1927), дочерью профессора Московской духовной академии Василия Александровича Соколова (1851–1918). Окончив Московский Екатерининский институт благородных девиц (1897), Любовь Васильевна преподавала французский язык и естественнонаучные дисциплины в женской прогимназии в Сергиевом Посаде (1897–1903). В 1903–1908 гг. обучалась на отделении естественных наук физико-математического факультета Московских высших женских курсов, где специализировалась по химии (окончила курсы с дипломом I степени). В предреволюционные годы преподавала в Московской частной женской гимназии К. Н. Дерюгиной. С 1924 г. работала в Центральном музее народоведения в Москве.

⁴⁶ Так в машинописи; имеется в виду «удочерил». Приемная дочь П. В. Тихомирова — Домна Павловна Тихомирова (1914–2002).

Куда их девать, что с ними делать? Не помню уж, как разрешился в нашей семье этот вопрос.

В 1915 году во время I империалистической войны русский фронт был прорван и ходили слухи, что немцы могут занять и Киев... Университет был эвакуирован в Саратов⁴⁷. Воспользовавшись случаем, папа отправил туда с университетской библиотекой и часть личной. Как жаль, что все эти книги пропали — то ли в дороге, то ли еще где-нибудь затерялись. Духовная академия эвакуирована не была. Но семью свою папа, подобно многим другим, решил переправить на «Левобережье». Куда же? Конечно, к Павлу Васильевичу в Нежин. Там и жили мы (мама, сестра Дина, младший брат Андрюша и я) у Павла Васильевича несколько месяцев (а я даже до конца первой учебной четверти). Привыкнув жить в большой семье, я сначала тосковала в огромной профессорской квартире, имея собеседником за столом Павла Васильевича, трехлетнюю Домну да Женю, гимназиста-сорванца, какими бывают мальчики в его возрасте (14–15 лет). «Развлечением были только субботние и воскресные службы в приходском храме, куда Павел Васильевич разрешал мне ходить только в сопровождении той же Маши.

И вот тут-то меня поразила разница в образе жизни и поведении папы и Пав[ла] Вас[ильевича]. Как я уже говорила, папа был человеком не только верующим, но и церковным. Пав[ел] Вас[ильевич] в церковь вовсе не ходил... Будучи в то время девочкой-подростком, я, естественно, не могла проникнуть в тайники его души, но вот такое индифферентное отношение к церковной службе меня, помнится, просто поразило... Впоследствии Пав[ел] Вас[ильевич] все же женился на такой же пожилой особе, каким он был сам в то время — начальнице Нежинской женской гимназии — и с нею и дочкой Домной переехал в Ленинград⁴⁸...

Не знаю, в каком высшем учебном заведении преподавал он там⁴⁹. Знаю только, что усыновленная им девочка оказалась преданной, любящей дочерью и, как говорится «закрыла ему глаза». Почувствовав приближение смерти⁵⁰, Пав[ел] Вас[ильевич] попросил дать ему в руки том

⁴⁷ Университет Св. Владимира (за исключением медицинского факультета) пребывал в эвакуации в Саратове в течение 1915–1916 учебного года, возобновив занятия в Киеве осенью 1916 г.

⁴⁸ П. В. Тихомиров с семьей оставался в Нежине до 1922 г. В 1919–1922 гг. был директором Нежинского историко-филологического института, реформированного в 1920 г. в Нежинский научно-педагогический институт (с 1921 г. — Нежинский институт народного образования). В 1922–1923 гг. жил в Одессе, где был деканом факультета социального воспитания Одесского института народного образования (1922), руководил кафедрой философии с логикой и гносеологией и в качестве профессора преподавал историю педагогической теории и практики. В 1923 г. вместе с семьей переехал в Петроград (с 1924 г. — Ленинград).

⁴⁹ В 1923–1928 гг. П. В. Тихомиров был профессором Петроградского (с 1924 г. — Ленинградского) государственного университета: до 1925 г. преподавал на факультете общественных наук; после его реорганизации в 1925 г. — на факультете языкознания и материальной культуры.

⁵⁰ П. В. Тихомиров умер 1 января 1937 г. Похоронен на Смоленском православном кладбище Ленинграда.

из произведений Канта (очевидно, почитаемого им философа)⁵¹ и свою докторскую диссертацию⁵²... Умирая, он простился таким образом с делом своей жизни, как он его понимал...

Среди всех папиных друзей только с Павлом Васильевичем была у него общая, так сказать, профессия, специальность. Предметом изучения у обоих была философия. Думаю, что и концепция философская, философское мировоззрение у них совпадали... Пав[ел] Вас[ильевич] перед смертью «простился» с Кантом... На книжных полках папиной библиотеки был, конечно, и Кант, и Гегель, и Шопенгауэр (насколько помню, в подлинниках), и ряд греческих философов... К слову скажу, что немецкий язык папа знал в совершенстве, но только «книжный», я бы сказала, язык. Разговорного языка он не знал, или же плохо владел им. Будучи в Вене, где маме моей дважды делали операцию (удаляли камни из печени)⁵³, он с трудом изъяснялся по-немецки. Но читал и переводил совершенно свободно, прямо «с листа»...

Хотелось бы еще написать об Иване Пименовиче Четверикове, профессоре психологии в Академии, папином сначала ученике, а потом и сослуживце⁵⁴, и о проф[ессоре] Петрове, впоследствии академике Украинской

⁵¹ Знаком философии Канта, П. В. Тихомиров посвятил ряд специальных работ исследованию жизни и творчества немецкого мыслителя (см. его: Проблема и метод Кантовой критики познания. Харьков, 1899. 51 с. [оттиск из ж-ла «Вера и разум»]; Вечный мир в философском проекте Канта. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева лавра, собств. типогр., 1899. [2], 56 с.; К столетию смерти Канта (1804–1904). I. Личность Канта в изображении его современников // Богословский вестник. 1904. № 2. С. 317–335; № 6. С. 229–247 и др.). Пребывая в 1903–1904 гг. в длительной научной командировке в Германии, он стал одним из членов-основателей Кантовского общества в Галле (1904).

⁵² Имеется в виду магистерская диссертация, защищенная П. В. Тихомировым в Московской духовной академии 2 июня 1903 г. См.: Тихомиров П. В. Пророк Малахия. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева лавра, собств. типогр., 1903. XIX, [5], 596 с.

⁵³ Поездки П. П. и А. Е. Кудрявцевых в Вену состоялись в декабре 1902 г. и июне 1903 г.

⁵⁴ Иван Пименович Четвериков (1875–1969), богослов, философ, психолог, педагог, выпускник (1895–1899) и преподаватель (1905–1919, с 1918 — в звании экстраординарного профессора) КДА по кафедре психологии. И. П. Четвериков был земляком П. П. Кудрявцева (родился в Туле, окончил Тульскую духовную семинарию) и его единомышленником в вопросах реформирования церковной жизни и духовного образования. В студенческие годы он написал под руководством П. П. Кудрявцева кандидатское сочинение, ставшее основой для его магистерской диссертации (См.: Четвериков И. П. О Боге как личном существе. (Богословско-философское исследование. К.: Тип. Н. А. Гирич, 1903. 344, V с.). В предреволюционное время И. П. Четвериков был коллегой П. П. Кудрявцева не только по КДА, но и по Киевским высшим вечерним женским курсам А. В. Жекулиной и Фребелевскому женскому педагогическому институту, а также летним земским учительским курсам. В послереволюционный период оба преподавали в Народном университете-политехникуме (1918) и Таврическом университете в Симферополе (1919–1921); в крымский период принимали активное участие в деятельности местных религиозно-философских обществ. Оба были высланы из Крыма в составе группы профессоров Таврического университета (1921), однако, в отличие от П. П. Кудрявцева, вернувшегося в Киев, И. П. Четвериков с семьей остался в Москве. В 1930-х гг. пережил арест (1933) и казахстанскую ссылку (1933–1936). В годы Второй мировой войны оказался в Германии, где провел последние десятилетия своей жизни. См. подробнее: Ткачук М. А. Четвериков Иван Пименович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 2. С. 796–802.

академии наук⁵⁵, и о профессоре Мищенко, тоже впоследствии избранном в Украинскую академию наук⁵⁶, но... всего не напишешь. Все это были папины единомышленники, члены прогрессивной партии в Академии...

VIII

Охарактеризовав некоторых из ближайших друзей моего отца, возвращаюсь теперь снова к нему.

Я рассказала о служебной деятельности отца, равно как и об общественном его «служении».

Теперь мне хочется коснуться некоторых индивидуальных качеств его, характеризующих его как человека, качеств, собственно ему лично свойственных.

A

Очень любил и чувствовал папа природу, быть может, потому, что вырос он в сельской местности, в тесном общении с нею, а может быть и потому, что в душе у него звучали какие-то поэтические струнки.

Мы жили на даче обычно в Мотовиловке (дачная местность под Киевом)⁵⁷, где был прекрасный лес (казенное Фастовское лесничество), и вот ежедневно после обеда вся наша семья отправлялась в далекую прогулку,

⁵⁵ Речь идет о Николае Ивановиче Петрове (1840–1921), литературоведе, историке, педагоге, специалисте в области церковной археологии, археографии и музееведения. Выпускник (1861–1865) и профессор КДА (с 1895 г. — в звании заслуженного ординарного профессора, с 1910 г. — сверхштатного) по кафедре теории словесности, бессменный секретарь Церковно-археологического общества при КДА (с 1872 г.), доктор богословия (1896), член-корреспондент Петроградской академии наук (1916), Н. И. Петров был известен как крупный церковный ученый. За весомый вклад в развитие украинознания в 1918 г. был избран академиком Украинской академии наук. Поддерживая либеральное крыло профессуры КДА, выступавшее за автономию духовных академий и реформирование духовного образования, в 1910 г. Н. И. Петров был одним из инициаторов издания сборника «Правда о Киевской духовной академии». Подробнее о нем см.: Бурег В. В. Петров Микола Іванович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 2. С. 397–402.

⁵⁶ Имеется в виду Федор Иванович Мищенко (1874–1933), богослов, историк Церкви, византолог, выпускник (1895–1899) и преподаватель КДА по кафедре церковного права (с 1907 г. — в звании экстраординарного профессора), избранный академиком Всеукраинской академии наук (1920) по кафедре «истории Украинской Церкви в связи с всемирной церковной историей». В документах ВУАН за последующие годы указан как академик по кафедрам «умственных течений на Украине» (1921), «истории культурно-идейных течений на Украине XVI–XVIII вв.» (1923), византологии (1927). В 1928 г., в период «чистки» ВУАН, был исключен из состава действительных академиков по политическим и идеологическим мотивам и в связи с «недостаточной квалификацией».

Единомышленник и соратник П. П. Кудрявцева, Ф. И. Мищенко, принадлежавший к либеральным кругам духовно-академической профессуры, был известным религиозным, культурным и общественным деятелем, принимавшим активное участие в реформировании церковной жизни и духовного образования в революционные годы (в т. ч. как член Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., Всеукраинского Православного Церковного Собора 1918 г., глава и сотрудник ряда комиссий и комитетов при Министерстве исповеданий правительства гетьмана П. Скоропадского). Подробнее о нем см.: Ткачук М. Л., Пастушенко Л. А. Мищенко Федір Іванович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 2. С. 223–226.

⁵⁷ Мотовиловка — село в 60 км от Киева (ныне — в Фастовском районе Киевской области).

часто вместе с друзьями — Рыбинскими, Завитневичами⁵⁸, причем даже младший брат Андрияша неизменно принимал в ней участие, хотя нередко и приходилось нам по очереди нести его на руках. А как-то папа решил устроить нам, старшим детям, что-то вроде экзамена на «выносливость». Расстояние от Мотовиловки до следующей железнодорожной станции — Фастова⁵⁹ — было что-то около 17 километров. Однажды прекрасным летним утром отец мобилизовал нас двоих — брата Сережу и меня, и, закусивши дома, мы отправились в путь пешком, вернувшись обратно уже поездом. А было нам, детям, в то время лет 10–11, не больше.

Как любил отец природу своего родного края — природу средней полосы России! Сам он родился и вырос на берегах реки Ситова Мечь, притоке реки Красивая Мечь⁶⁰, известной по рассказам Тургенева. Кстати, недалеко от села Алексеевского на Ситовой Мечи — родины отца — находилось село Тургенево, или Тургеневка, вотчина брата писателя⁶¹ (Спасское-Лутовиново принадлежало матери Тургенева)⁶².

Местность эта действительно в высшей степени живописная. Холмистая равнина с лесками и перелесками, летом покрытая зреющей рожью и гречихой; чистые ключи, сбегавшие со склонов оврага, понизу которого сбегавшие ручейки и образовывали речку. На реке плотины с водяными мельницами и убегавшие вдаль дороги. Лесов в окрестностях Алексеевского было несколько: I Серый, II Серый, Осиновый, Каменный; тянулись они один за другим полосую... Какие рыжики водились там, маслята... и лесная клубника, не земляника, а именно клубника: круглая ягодка, с одного боку белая, с другого розоватая, душистая-предушистая... У нас, на Украине, я такой не встречала. Отец наш больше всего любил до конца жизни варенье именно из этой лесной клубники... Леса были посаже-

⁵⁸ Имеется в виду семья Владимира Зеноновича Завитневича (02[14].04.1853–18.02.1927), профессора КДА (с 1909 г. — в звании заслуженного ординарного профессора, с 1910 г. — сверхштатного) по кафедре русской гражданской истории. Известный историк, богослов, философ, церковный и общественный деятель, В. З. Завитневич принадлежал к либеральным кругам духовно-академической профессуры и был идейным соратником П. П. Кудрявцева во многих начинаниях, связанных с реформированием церковной жизни и духовного образования. Подробнее о нем см.: Качук М. Л. Завитневич Володимир Зенонович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 1. С. 533–538.

⁵⁹ Фастов — станция Юго-Западной железной дороги, открытая в 1876 г. в одноименном местечке Васильковского уезда Киевской губернии (сейчас — станция Фастов-1 в городе областного значения, райцентре в Киевской области).

⁶⁰ Правильно — Ситовая Меча, Красивая Меча (реки в Тульской губернии/области). Ситовая Меча — приток реки Каменки, являющейся, в свою очередь, притоком реки Красивая Меча.

⁶¹ Тургенево — село в Чернском уезде (ныне — районе) Тульской губернии (ныне — области), принадлежавшее Николаю Сергеевичу Тургеневу (1816–1879), старшему брату Ивана Сергеевича Тургенева.

⁶² Спасское-Лутовиново — усадьба матери И. С. Тургенева Варвары Петровны Тургеневой (урожденной Лутовиновой) в Мценском уезде (ныне — районе) Орловской губернии (ныне — области). С 1922 г. — государственный мемориальный и природный музей-заповедник.

ны тамошним помещиком Левицким, ученым-лесоводом⁶³, имя которого и теперь упоминается в лесоводческой литературе. Папа, помню, всегда говорил, что не мог бы долго оставаться в Крыму, например, и, как иллюстрацию к своему настроению, приводил стихи Огарева:

Мне тесно, мне душно в ущелиях гор!
Я вырос средь вольных равнин и раздолий,
Привык побродить, разгуляться мой взор...⁶⁴

И еще он любил повторять: «Кто не в состоянии оценить красоту тургеневского пейзажа, тому и Крым, и Кавказ ничего не скажут!».

Мне же, когда я бывала в тех местах, всегда невольно вспоминались тургеневские строки из «Дневника лишнего человека»: «Расставаясь с жизнью... я бы хотел еще раз надышаться горькой свежестью польни, сладким запахом сжатой гречихи на полях моей родины...»⁶⁵.

И действительно, «большая» дорога, которая ведет из Алексеевского на железнодорожную станцию Теплая⁶⁶, в 25 верстах от села, все время бежит среди полей ржи и гречихи...

Б

Очень любил папа стихи, чрезвычайно. Я не говорю уже о классиках, — они были постоянными спутниками его, да и нашей, жизни. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Плещеев, Полонский, Майков, Никитин, Кольцов, Тютчев, Фет, Баратынский и многие другие (наследие папы) до сих пор занимают полки в моем книжном шкафу. Отец настолько интересовался поэзией, что живо откликался на все новое в этом жанре литературы. Помнится, что впервые я познакомилась с Есениным, например, когда папа читал нам вслух, волнуясь:

Но и тогда, когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Сергей Есенин. Избранные стихи (издательство «Огонек», Москва, 1925).

⁶³ Речь идет о собственнике имения Алексеевского Павле Ивановиче Левицком (1842–1920). Занимаясь лесоводством, он посадил в урочищах вблизи Алексеевского около 400 гектаров лесов.

⁶⁴ Цитируемые в несколько искаженном виде строки взяты из стихотворения Николая Языкова «Элегия» (1843). В первоисточнике так:

И тесно и душно мне в области гор —
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах;
Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор...

⁶⁵ Цитата из повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850).

⁶⁶ Теплое — станция бывшей Рязано-Уральской железной дороги, открытая в 1896 г. Сейчас станция Московской железной дороги (в Тепло-Огаревском районе Тульской области).

Помню также, как читал он нам «Моисея» И. Франко⁶⁷.

Стихотворения Блока преподнесли папе в изящных переплетах (3 тома)⁶⁸ слушательницы его — ученицы II женского епархиального училища. Тут же, на полке, стояли и переводы: Сюлли Прюдома⁶⁹, Бодлера⁷⁰, баллады Роберта Саути⁷¹.

Как философ, папа интересовался поэзией Владимира Соловьева, любил Брюсова.

В 1914 году папа составил и выпустил в издании Киевского религиозно-философского общества хрестоматию под заглавием: «Волны вечности в русской художественной литературе»⁷².

Это — хрестоматия (стихи и прозаические отрывки) из произведений классических и современных писателей и поэтов, объединенных одной общей темой: я бы сказала, темой религиозно-философских раздумий и исканий. Из прозаиков я вижу здесь Достоевского, Лескова, Мельникова-Печерского, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Чирикова и других. Поэтическая «семья» много богаче. Тут, конечно, Лермонтов, Тютчев, Фет, Полонский, Хомяков, Баратынский, Брюсов, Языков, Державин, Ломоносов, Блок, А. Толстой и многие другие.

Книга имеет определенную тематическую направленность, что лучше всего выражено строками из предисловия: «Потоком времени не увлекается бесследно лишь тот, кто, живя во времени, имеет *опорную точку за пределами времени*, куда уходят последние корни бытия и жизни, и где даны непреходящие нормы и критерии для оценки протекающего во времени...» (курсив мой — Е. К.)⁷³.

Теперь книга, конечно, представляет библиографическую редкость.

⁶⁷ «Моисей» (укр. «Мойсей») — поэма Ивана Франко, написанная в 1905 г.

⁶⁸ Речь идет об издании: Блок А. Стихотворения: [в 3 кн.]. М.: Мусaget, 1916.

⁶⁹ Рене Сюлли-Прюдом (1839–1907) — французский поэт, первый лауреат Нобелевской премии по литературе (1901). См. в русском переводе: Сюлли-Прюдом в переводах Андреевского, Анненского, Алухтина, К. Р., Ладыженского, Михаловского, Плещеева, Познякова, Тхоржевского, Хвостова, Чюминой, Эллис, Энгельгард, Якубовича. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1911. 175 с.

⁷⁰ Шарль Пьер Бодлер (Charles Pierre Baudelaire, 1821–1867) — французский поэт и литературный критик. См. дореволюционные переводы Бодлера на русский язык: Бодлер Ш. Маленькие поэмы в прозе / пер. и вступ. ст. А. Александровича [псевд. А. А. Булгакова]. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902. 128 с.; Бодлер Ш. Цветы зла / пер. А. Альвинга. СПб.: Телиос, 1908. 263, [3], V с.; Бодлер Ш. Искания рая / пер. В. Лихтенштадт. СПб.: Сириус, 1908. 191 с.; Бодлер Ш. Цветы зла / пер. Эллиса [Л. Л. Кобылинского]. М.: Заратустра, 1908. VIII, 305 с.; Бодлер Ш. Стихотворения в прозе / пер. с фр. под ред. А. Гуревич и С. Парнок. СПб.: Тосев, 1909. XXXVI, [2], 160 с. и др.

⁷¹ Роберт Саути (Robert Southey, 1774–1843) — английский поэт-романтик. Среди переводчиков его произведений на русский язык — В. А. Жуковский, А. С. Пушкин и др. Первый отдельный сборник вышел уже в советский период: Саути Р. Баллады. Переводы под ред. и с предисл. Н. Гумилёва. Пг.: Всемирная лит-ра, 1922. 110, [2] с.

⁷² См.: Волны вечности в русской художественной литературе: хрестоматия / [сост., вступ. ст. П. П. Кудрявцева]. К.: Тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1914. VIII, 519 с.

⁷³ См. там же. С. VIII.

* * *

Очень любил наш отец Достоевского. Мало сказать, что он любил его, — он специально изучал его, писал о нем...⁷⁴ Помню, как он сказал как-то: «Главный герой в произведениях Достоевского — это *мысль*»... Вероятно, Достоевский занимал отца не только как художник, но и, не в меньшей мере, как мыслитель.

Работал отец и над Лесковым⁷⁵. Он был в непрерывной переписке с сыном писателя⁷⁶, встречался с ним лично, пополняя таким образом фактические данные из биографии писателя. После смерти отца мама передала эти материалы в Пушкинский Дом в Ленинграде⁷⁷.

В

Что я могу сказать о характере отца или, вернее, о том, как проявлялся он в отношении к окружающим, в семье?

По натуре отец был человеком горячим, вспыльчивым, порою несдержанным... но... верным в любви и в дружбе!

Обстоятельства сложились так, что, как я уже говорила, осенью 1919 года отец был приглашен читать лекции по своему предмету во вновь открытом Таврическом университете.

Потом, в условиях гражданской войны, он оказался отрезанным от нас в течение почти двух лет. Правда, переписка, хоть и не частая, между нами все же поддерживалась.

И вот передо мною лежат письма отца из Симферополя.

В детстве папа, я считаю, уделял нам, детям не слишком много внимания, хотя и горячо нас любил... Воспитание наше было в основном в руках матери. Он был занят преподавательской и научной работой,

⁷⁴ См., в частности: Кудрявцев П. П. Конспект лекций по новой русской литературе, читанных на земских учительских курсах в Полтаве и Херсоне. Херсон: Типолитограф. С. Н. Ольховикова и С. А. Ходушина, 1915. С. 39–43; Его же. Россия и Царьград: Три момента в литературной истории вопроса. К.: Изд. ж-ла «Христианская мысль», 1916. 56 с.

⁷⁵ Как свидетельствуют архивные документы, изучение жизни и творчества Николая Семеновича Лескова (1831–1895) занимало значительное место в научных исследованиях П. П. Кудрявцева конца 1920-х — середины 1930-х гг. Он посвятил русскому писателю ряд докладов, с которыми выступил на заседаниях Византологической комиссии ВУАН, а также статью «О некоторых лицах старого Киева», предназначавшуюся к печати во втором томе издания Комиссии Киева и Правобережной Украины «Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва» (это издание не состоялось; рукопись указанной статьи и ее перевод на украинский язык хранятся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (Ф. X., № 17607–17608)). Продолжая изучение биографии и наследия Н. С. Лескова, в 1934–1936 гг. П. П. Кудрявцев подготовил рукопись «Из моих Лесковиан. Материалы для изучения Н. С. Лескова», которую передал в Государственный литературный музей в Москве (сейчас хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, Москва): Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 825. 253 л.).

⁷⁶ Речь идет об Андрее Николаевиче Лескове (1866–1953). Профессиональный военный (полковник царской армии, генерал-лейтенант красной армии), после выхода в отставку (1929) он посвятил себя написанию литературно-биографической книги «Жизнь Николая Лескова по его личным семейным и несемейным записям и памятям» (М.: Гослитиздат, 1954. VII, 684 с.).

⁷⁷ См. прим. 74.

увлечен общественной деятельностью, а в лице матери нашей имел верного друга, соратника, собеседника, с которым он и делился каждой своей мыслью, каждым переживанием... Дети как-то невольно отступали на задний план. Правда, если случалось кому-либо из нас захворать, отец волновался еще больше матери, дожидаться не мог прихода доктора, пока не находил, пока тот или иной ребенок не оказывался уже вне опасности... Но ведь это случалось не так уж часто... И мне казалось порою, что отец как-то далек от нас, что не так уж он любит нас, мало нами интересуется, мало вникает в наш внутренний мир... Насколько ошибочным было мое представление об всем этом показали годы разлуки.

Хочется процитировать несколько строк из письма, адресованного моей младшей сестре Бландине.

«Милая моя Динушечка! И вчера, и нынче я особенно много вспоминаю тебя. И всегда вспоминаю, а вчера и нынче — особенно... Милая моя, дитя мое! Как я тебя люблю, и не только люблю, но и ценю за твою хорошую душу, за содержание твоей душевной жизни. О, милая, будь и впредь такою и не унывай, не теряй бодрости.

Может быть, и не все, что у других, есть у нас с тобой, но зато у нас с тобою есть такие духовные сокровища, которых ни на какие богатства мира не променяешь...

Милая моя, дитя мое, прижимаю Тебя крепко к своей груди, целую в твою славную головку и благословляю. И Катюшу, и Андрюшу... И мамочку милую. Славная она — чистая, правдивая душа и — добрая... Берегите ее...

Как, все-таки, тягостно жить на другой планете с Вами.

15/III-20 г., воскресенье, 4 ч. 24 м. пдн⁷⁸».

* * *

Письмо, адресованное маме (Анне Елисеевне Кудрявцевой).

«14/1. II – 1921, пнд.⁷⁹, утро.

Милая моя, дорогая, бесценное мое сокровище! Послезавтра — день твоего ангела. Вот уже второй год суждено мне встретить этот день в разлуке с тобою. Это бы еще ничего, если бы была уверенность, что нам суждено еще встретиться здесь, на земле, но ведь этой уверенности нет, а между тем — это — самое сильное из всех желаний, которые относятся к этой жизни. Помню, милая, твои слова, что пора нам думать о вечности; хочу думать, но все же я — человек, и так хочется свидеться с тобою, прежде чем уйти из этого мира...

О, милая, как я люблю тебя и как я ценю тебя! Твою честную, правдивую, чуткую, содержательную натуру. Милая моя! Прости мне те огор-

⁷⁸ «Пдн» — пополудни.

⁷⁹ «Пнд» — понедельник.

чения, какие я причинял тебе. Голубчик мой! Никого я не любил так, как тебя».

И дальше: «Милые мои дети, Катюшечка, Динуша, Сереженька и Андрюша, милые мои, хорошие, славные — Катюшечка с ее изящной душой, Динуша — чистая, честная, Сережа — мой милый профессор (как он мне разъяснял понятие о дифференциале), Андрюша — горе наше и любовь наша! Храни Вас Господь! Целую Вас, прижимаю к своей груди и благословляю! Милые мои! Будьте же ласковы друг к другу и к вашей славной мамочке...»

Письма эти говорят сами за себя. И, хотя, как я уже сказала, воспитание наше почти целиком лежало на плечах матери, но невидимое присутствие отца чувствовалось во всем: и в подборе книг, которые давались нам для чтения, и в направлении газет, выписывавшихся в доме («Киевская мысль»⁸⁰, а не «Киевлянин»⁸¹), и в высказываниях отца, некоторые из которых запечатлелись у меня на всю жизнь: «Деньги потеряешь — это горе с полгоря; вот, если здоровье потеряешь — это другое дело, но и это горе не горе; вот, если бодрость духа потеряешь — это действительно будет горе...».

«Если случится с тобой беда, то вместо сожаления об этом, лучше употреби силы и энергию на ориентировку во вновь сложившихся обстоятельствах...».

Сам он, по-моему, никогда бодрости духа не терял; во всяком случае, отсутствие бытовых удобств, всякого рода лишения в этой области никоим образом не в силах были повлиять на его настроение.

В приведенном выше письме к матери есть такие строки: «Милая моя! Прости мне огорчения, какие я причинял тебе...». А огорчений, как это ни жаль, было немало, говоря о первой половине их супружеской жизни.

Отец мой женился по сердечной склонности на круглой сироте, «бесприданнице», как тогда говорили, своей ученице по Подольскому епархиальному училищу⁸². Мама была моложе отца на 10 лет. Первые два года они жили в городе Каменец-Подольске⁸³ (на родине мамы) а в 1897 году переехали в Киев, когда отец был избран на кафедру истории филосо-

⁸⁰ «Киевская мысль» — ежедневная политическая и литературная газета либерального направления, издававшаяся в 1906–1918 гг.

⁸¹ «Киевлянин» — литературная и политическая газета, выходившая в Киеве в 1864–1919 гг.; с конца XIX в. выражала консервативно-монархические позиции.

⁸² Петр Павлович Кудрявцев и Анна Елисеевна Левинская обвенчались 17 мая 1896 г.

⁸³ Правильно — в г. Каменце-Подольском.

фии в Киевской духовной академии⁸⁴. В то время маме было всего 18 лет, а отцу — 28.

После свадьбы, которая состоялась в селе Летава⁸⁵ в 30 верстах от Каменец-Подольска (причем венчал родителей специально для этого прибывший из Мариямполья друг отца Константин Маркович Агеев⁸⁶) молодые отправились к родным отца в село Алексеевское Тульской губернии. Мама мне рассказывала, что встретили их специальным свадебным «поездом» на тройке лошадей с бубенцами, гривы коней в красных свадебных лентах, а ехать надо было тоже 25 верст от ст. Теплое Рязано-Урал[ьской] ж[елезной] д[ороги] до Алексеевского. Семья отца хорошо встретила маму. Сразу же как-то установились простые, теплые, родственные отношения, которые и прошли через всю жизнь мамы и ее новых родных... Всю свою жизнь папина мать Серафима Петровна⁸⁷ (после смерти мужа⁸⁸) жила у нас, при чем не было никогда ни малейшего конфликта, ни малейших трений между свекровью и невесткой. И сестры отца, и братья его воспринимали маму не как сноху или невестку, а как кровно связанного с ними, самого близкого человека. Достаточно сказать, что брат отца Павел Павлович, никогда не живший в Киеве, а проживавший в разных местах в зависимости от его служебного положения, всегда и неизменно являлся в наш дом 3 февраля (16 февраля по новому стилю), в день маминого ангела, и я не представляю себе маминых именин без дяди Паши, как мы, дети, его называли... Младшая сестра папы — тетя Лиза — жила у нас, будучи курсисткой, слушательницей Киевских высших женских курсов, а последние дни своей жизни тоже провела в нашей квартире в самой тесной близости с мамой. Мы же, дети, считали самым большим счастьем для себя отправиться летом на школьные каникулы в то же Алексеевское, где еще одна папина сестра — тетя Саша — поселилась в дедушкином доме, так как вышла за-

⁸⁴ Сведения о двухлетней семейной жизни П.П. Кудрявцева в Каменце-Подольском не совсем точны. В Каменце Кудрявцевы прожили вместе немногим более года.

⁸⁵ Вероятно, именно с. Летава, относившееся к Каменецкому уезду Подольской губернии (сейчас — в Чемеровецком районе Хмельницкой области) и было родиной его супруги Анны Елисеевны (в девичестве — Левинской): ее отец, священник Елисей Левинский, служил настоятелем местного Свято-Покровского храма в 1876–1892 гг.

⁸⁶ По окончании КДА К.М. Агеев, приняв священный сан (1893), служил помощником настоятеля Успенского собора г. Сувалки (административный центр Сувалкской губернии Царства Польского; сейчас — в Подляшском воеводстве Республики Польша). Настоятелем Свято-Троицкого храма и законоучителем мужской гимназии в г. Мариямполье Сувалкской губернии (сейчас — административный центр Мариямпольского уезда Литовской Республики) он был назначен вскоре после свадьбы П.П. Кудрявцева — с 1 сентября 1896 г.

⁸⁷ Мать П.П. Кудрявцева Серафима Петровна Кудрявцева (1847–1913) была дочерью священника с. Алексеевское Петра Яковлевича Вознесенского. Скончалась 30 апреля 1913 г. в г. Богуславе.

⁸⁸ Отец П.П. Кудрявцева Павел Андреевич Кудрявцев, священник с. Алексеевское на Ситовой Мече (в настоящее время — сельское поселение Алексеевское Тепло-Огаревского района Тульской обл. Российской Федерации) скончался 28 июля 1899 г.

муж за его преемника по приходу Н. Н. Автономова⁸⁹... Вот тут нам было раздолье... У тети Саши своих детей не было, и присутствие нас троих вносило, конечно, большое оживление в жизнь супругов. Мы же чувствовали там себя, фигурально выражаясь, как у Христа за пазухой, окруженные лаской, вниманием, даже некоторым баловством, чего у нас дома (баловства) при строгости отца и сдержанности матери как-то не было.

Таковы были отношения мамы с родными папы.

Но я хочу возвратиться к приведенной мною выше цитате из письма отца: «Милая моя! Прости мне огорчения, какие я причинял тебе...». Какого же рода были эти огорчения? По натуре своей отец был человеком горячим, нервным, вспыльчивым, часто принимавшим близко к сердцу какие-либо мелочи; расстраивался сам, расстраивал и маму, а она, по молодости лет, не могла, не умела нанести соответствующий контрудар, спокойно разъяснив, что все это яйца выеденного не стоит. Припоминаю, например, такой случай из своего детства. Перед началом учебного года мама обычно отправлялась с нами в книжные магазины для закупки учебников. Я уже говорила о том, что именно мама ведала нашим обучением, она же подготовила нас в гимназию. Приехали мы с Крещатика (главная улица в Киеве), разложили все купленные книги на столе в столовой, рассматриваем, отбираем, что мне, что брату Сереже: все оживлены, заинтересованы, кому какие книги, атмосфера какого-то делового ажиотажа перед началом учебного года. Вдруг выходит отец из своего кабинета. Приближается к столу, бросает взгляд на учебники. «Что же это, Анеташа, неужели Вы могли *это* купить?!» — «А что такое, Петя?» — «Так-то Вы думаете воспитывать эстетические вкусы у детей? Что это за переплеты?! Какая безвкусица!». Сказал и ушел обратно в кабинет... И через несколько часов уже, быть может, и забыл о сказанном, а мама остается удрученная, обескураженная, чувствует себя в чем-то виноватой, спешит поехать обменять учебники... Они, эти переплеты, действительно были неказисты — бумажные, грязно-коричневые, с какими-то белыми крапинками... Свои книги папа переплетал всегда у одного и того же переплетчика, старичка-еврея, и, конечно, они имели совершенно другой вид по сравнению с купленными

⁸⁹ Николай Николаевич Автономов (1873 — после 1934), выпускник Тульской духовной семинарии (1889–1895), с 1895 г. служил в Алексиевской церкви с. Алексеевское псаломщиком. В 1898 г., вступив в брак с Александрой Павловной Кудрявцевой (сестрой П. П. Кудрявцева), был рукоположен в сан иерея и назначен священником церкви иконы Божией Матери Казанской в с. Голина Слобода Епифанского уезда Тульской губернии. В 1899 г. был переведен на вакантное после смерти своего тестя свящ. Павла Андреевича Кудрявцева место настоятеля Алексиевской церкви с. Алексеевское, где продолжал служение и в советские годы (в сане протоиерея). После закрытия Алексиевской церкви в конце 1920-х гг. о. Николай Автономов вместе с супругой Александрой Павловной были вынуждены переехать в с. Каменское Тульского округа Московской области (сейчас — в Каменском районе Тульской области). В 1930–1934 гг. П. П. Кудрявцев каждое лето навещал родственников в с. Каменском.

мамой... Но, во всяком случае, то, как она реагировала на папины слова и его высказывания, никоим образом не соответствовало значимости самого факта... А иногда вспылит, разгорячится по какому-нибудь поводу, даже и не всегда по принципиальному вопросу... Все это создавало в семье порою напряженную атмосферу...

И каждое такое «выступление» отца мама принимала всерьез... Но шли годы... И до сих пор для меня остается полнейшей тайной, загадкой постепенная, но полная с годами, перемена в характере отца. Он — горячий, вспыльчивый, несдержанный — сделался со временем кротким «как ягненок»! Правда, он и раньше воспитывал в нас, детях, какое-то почтительное, уважительное, прямо-таки благоговейное отношение к матери (потому что он и сам испытывал то же самое), но с течением времени, когда мы были уже взрослыми, он как бы отодвинул себя на второй план, признавая этим не себя, а ее — главою семьи. Хорошо помню его слова: «Меня вы можете не послушаться, а матери — никогда», или же: «Слово матери — закон». И не демонстративно, а естественно как-то получалось у него, когда после обеда он, вставши со своего места и обойдя вокруг стола, благодарил маму, целуя при этом у нее руку: «Спасибо, Анеташа!». Папа звал маму обычно «Анеташа» от французского *Annette* или же, вслед за Пушкиным, «подруга дней моих суровых»⁹⁰.

Думаю, что эта борьба с самим собою, вернее с недостатками своего характера, стоила ему немалых усилий, но увенчалась она полным успехом. Иногда бывало и так, что если за столом отец почувствует вдруг приступ раздражения, то он быстро встанет и на 2–3 минуты выйдет в другую комнату. Затем вернется уже совершенно успокоившимся. Случалось это, правда, не так часто.

С самых малых лет мы, дети, обедали за общим столом, — в те годы существовали специальные высокие стульчики или, вернее, креслица для малышей. Сидя на них, и мы могли участвовать в трапезе за общим столом... Папа придавал большое значение тому, чтобы вся семья в обеденное время собиралась вместе... «Обед, ведь, это не только возможность или же способ насытиться, а *таинство общения*», — говорил он... Но так бывало и в других семьях во времена нашего детства. К сожалению, теперь, когда и взрослые, и дети трудятся и учатся в различное время дня, такое вот «таинство общения» за обедом уже часто невозможно.

Так боролся отец с основным недостатком своего характера — вспыльчивостью.

Г

О внешности отца говорить много не приходится. Я прилагаю здесь его фотокарточку. Он был достаточно фотогеничен, и снимок этот соответствует действительности.

⁹⁰ Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Няне» (1826).

Одевался папа всегда хорошо; «щеголем» он никогда не был, однако производил впечатление «чистячка», хотя форменной одежды с «золотыми» или «серебряными» пуговицами никогда не носил. Я помню, он любил повторять при случае (не помню только чье) четверостишие:

Будь в жизни прям и непорочен,
Борись с неправдой и со злом,
И да не будет опорочен
Твой фрак звездой иль крестом...

На лекции и уроки он всегда ходил в черном сюртуке, хотя вообще черного цвета не любил, я не помню у него ни одного черного костюма, например... Никаких знаков отличия он никогда не носил, а те ордена, которые все-таки причитались ему, как состоящему на государственной службе⁹¹, обычно сдавал в ювелирный магазин, потому что ценности какой-либо, кроме денежной пользы, они для него не представляли. Летом он носил чесучовый пиджак, как тогда было принято. Очень любил в домашней обстановке русские косоворотки — рубашку навыпуск, подпоясанную свободным шелковым шнурком.

IX

В заключение могу только сказать, что счастливо, хорошо прожил отец свою жизнь...

Любимая профессия, к которой он чувствовал призвание, профессора-педагога, которой он никогда не тяготился, будь это трудовая школа, женское епархиальное училище или же аудитория высшего учебного заведения.

Счастлив был он и в семейной жизни. «Подруга дней его суровых» Анна Евсеевна Кудрявцева (урожд[енная] Левинская) была достойной спутницей своего мужа, обладая и умом, и живым интересом ко всякого рода интеллектуальным вопросам. Уже после замужества она поступила на Высшие женские курсы, но окончить их ей не удалось из-за рождения четвертого ребенка — Андрея.

Прожили они вместе 44 года, в полном смысле слова деля и горе, и радость, когда смерть отца их разлучила (мама пережила отца на 17 лет). Последние годы жизни моих родителей были отмечены каким-то особенным пониманием и теплотой, пониманием двух одинаково мыслящих и чувствующих людей.

Еще раз хочется привести строки из письма отца маме в годы разлуки:

3 (16).II-1921, 12 ч. 20 м. дня по астрономич[ескому] времени.

«Милая моя, ангел мой, сокровище мое! Нынче — день твоего ангела! С ангелом, дорогая моя! О, если бы мне дожидаться встречи этого

⁹¹ В дореволюционные годы П. П. Кудрявцев был награжден орденами св. Станислава 3-й (1901) и 2-й (1916) степени, св. Анны 3-й степени (1907).

дня вместе с тобою, но в данный момент переживаю такое настроение, что мало у меня надежд...

...Какие бы грозы ни разразились над моей головой, скажу одно: только с последним биением сердца замрет (но не умрет!) чувство моей любви к тебе, моей единственной, несравненной, незаменимой, такой богатой неподдельными душевными сокровищами, и — к нашим детям, милым моим, бесценной Катюше, моему милому профессору Сержику, Нушечке славной и Андрюше. Храни Вас Господь!

...Чувствую себя неровно: то тревожнее, то спокойнее, но пребываю в мире со всеми. Верю, даже вижу, что источник добрых чувств в людях все таки «живет не заглушен»⁹²...

Пока довольно. Боюсь, как бы от простых слов не перейти незаметно к приподнятым словам... Как бы хотелось найти адекватное выражение для своих настроений и мыслей, но — как беден наш язык! По крайней мере, мой язык: хочу и — не могу. Милая! Еще и еще целую тебя. Целую и благословляю деток... Петя».

* * *

Про дружеские связи отца я уже говорила. Они были настолько прочны, что многие из них прошли буквально через всю жизнь. Но, даже и оказавшись на чужбине, в Симферополе, папа как-то сразу нашел и друзей, и почитателей. Дело в том, что среди его слушательниц оказалась некая Надя Рыкова, впоследствии небезызвестная переводчица с английского⁹³. Рыковы были старожилками Симферополя, имевшими там собственный дом⁹⁴, где они и предложили поселиться папе. Он сам пишет об этом в письме от 11 марта 1920 года: «В Симферополь я приехал 5 января; с 16 января живу у Рыковых в самых благоприятных условиях: большая, высокая, светлая комната, хорошее питание, правильная жизнь... Особенно я ожил, когда приступил к чтению лекций в университете».

⁹² Строка из стихотворения философа и поэта В. С. Соловьева «Ночь на Рождество» (1894):
В незримой глубине сознания мирового
Источник истины живет не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.

⁹³ Рыкова Надежда Януарьевна (1901–1996), литературовед, переводчица, поэтесса. В 1919–1923 гг. училась на историко-филологическом факультете Таврического университета (с 1921 — Крымский университет им. М. В. Фрунзе), т. е., слушала курсы П. П. Кудрявцева, вероятнее всего, в 1920 г. Известна многочисленными переводами художественных произведений французских, английских и немецких писателей и поэтов.

⁹⁴ Отец Н. Я. Рыковой, Януарий Александрович Рыков, дворянин по происхождению, был инженером-строителем, в дореволюционное время занимавшимся подрядами на строительство домов и железной дороги.

И снова, и снова он возвращается к мыслям о «подруге дней его суровых» — нашей маме.

Из письма от 25 апреля 1920 года:

«...Вчера был (после лекций) в университетской библиотеке. На глаза попала книга Дарского о Фете (Радость Земли)⁹⁵ — и сейчас же охватили меня воспоминания о тебе — как мы с тобою и ты сама читали отрывки из этой книги. Взял книгу с собой. Взял и 4-й том гершензоновских “Пропилеев” — переписка Огаревых, Герцена⁹⁶. В Киеве у нас не было этого тома. И так захотелось, чтобы ты прочла некоторые места и разъяснила мне. Много, бывало, ты поймешь и мне разъяснишь...».

Как-то в дружеском кругу отца спросили: «Что-же Вы, Петр Павлович, мало как-то беспокоитесь о будущем? У Вас ничего нет — ни капитала, ни дома, как, скажем, у профессоров Маккавейского⁹⁷, Завитневича⁹⁸, Дроздова⁹⁹, Попова¹⁰⁰, Малинина¹⁰¹ и других. Как же будет с детьми вашими, а их ведь у вас четверо...».

Ничуть не задумываясь, отец отвечал: «А я, действительно, не беспокоюсь. Дети учатся хорошо, все они получают высшее образование, будут иметь специальность, будут стоять на собственных ногах... А мы с Анеташей, как только я дослужусь до пенсии, переедем куда-нибудь в маленький городок, зеленый, на реке, — ну, вот, хотя-бы, в Винницу... Там и будем доживать свой век...» — «А Андрюша?» — «Андрюша с детства “прилежен” к церкви. Купим ему келью в Лавре, там при монастыре он

⁹⁵ См.: Дарский Д. С. «Радость земли»: исследование лирики Фета. М., 1916. 208 с.

⁹⁶ См.: Русские пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы / собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Т. 4. [Архив Н.П. Огарева]. М., 1917. [4], 298 с.

⁹⁷ Николай Корнильевич Маккавейский (1864–1919) — выпускник КДА (1885–1889) и ее заслуженный экстраординарный профессор по кафедре педагогики (с 1918 г. — и. о. ординарного профессора), богослов, автор многочисленных работ по христианской педагогике. Подробнее о нем см.: Кузьмина С. Л. Маккавейский Микола Корнильевич // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 2. С. 126–128.

⁹⁸ См. прим. 128.

⁹⁹ Николай Михайлович Дроздов (1849–1919) — выпускник (1872–1876) и профессор КДА по кафедре латинского языка и словесности (с 1902 г. — в звании заслуженного ординарного профессора, с 1910 г. — сверхштатный), доктор богословия (1901), библист, филолог, переводчик, педагог. См. подробнее: Пастушенко Л. А. Дроздов Микола Михайлович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 1. С. 474–478.

¹⁰⁰ Константин Дмитриевич Попов (1849–1911) — выпускник (1871–1875) и ординарный профессор КДА по кафедре патрологии (с 1910 г. — сверхштатный), доктор богословия (1904), историк Церкви, переводчик. См. подробнее: Пастушенко Л. А. Попов Костянтин Дмитрович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 2. С. 449–451.

¹⁰¹ Василий Николаевич Малинин (1849–1927) — выпускник (1870–1873) и заслуженный ординарный профессор КДА по кафедре русского и церковнославянского языков и истории русской литературы (с 1910 г. — сверхштатный), доктор русской словесности (1904), филолог, литературовед, археограф. См. подробнее: Кузьмина С. Л. Малинин Василь Миколайович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 2. С. 137–140.

будет в своей стихии; за него я тоже спокоен». Действительно, не было у отца никогда *заботы* о завтрашнем дне. Так и просятся на уста слова: «Довлеет дневи злоба его!»¹⁰². Думается, что отец словно твердо верил в то, что «ни единый волос с головы Вашей не упадет без воли Отца вашего Небесного»¹⁰³. Помню тоже, как он говорил: «Делай, что должно, а выйдет, что можно...» Вот эта ясность и чистота души, считаю я, были самой характерной чертой его натуры.

И в тяжкую годину испытаний (август 1938 г. — апрель 1939 г.)¹⁰⁴ отец сохранил присутствие духа, твердость, мужество, ободряя даже и поддерживая морально бывших вместе с ним людей, среди которых были и члены партии. С другой стороны, папа с любовью вспоминал какого-то старика-еврея, своего товарища по несчастью, с величайшим самообладанием переносившего выпавшего на его долю испытание... Да, в этом котле переплавились характеры, и отделилась «руда от породы простой»!

* * *

Скончался папа, как я уже сказала, в ночь под «Ивана Купала» с 7 на 8 июля (с 23 на 24 июня по ст. стилю)¹⁰⁵.

Умер он дома, на своей кровати, на руках жены. Оба сына были тут же, а дочерей не было. Младшая дочь — Бландина¹⁰⁶ жила в то время в Нов-

¹⁰² Мф. 6: 34. В русском Синодальном переводе: «Довольно для[каждого] дня своей заботы».

¹⁰³ Ср. Мф. 10:29–31: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без[воли] Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц».

¹⁰⁴ Имеется в виду пребывание П. П. Кудрявцева в Лукьяновской тюрьме г. Киева под следствием по обвинению в «антисоветской агитации пораженческого характера». Был освобожден из-под стражи в связи с отсутствием состава преступления. См. подробнее: Ткачук М. Л., Пастушенко Л. А. До життєпису Петра Кудрявцева: із матеріалів слідчої справи 1938–1939 років // Магістеріум. Вип. 47. Історико-філософські студії. К., 2012. С. 68–100.

¹⁰⁵ Ср. с фрагментами воспоминаний Е. П. Кудрявцевой, отмеченными в настоящем издании примечаниями 17 и 25. См. также текст прим. 17.

¹⁰⁶ Не раз приходится слышать вопросы о том, отчего папа выбрал для своей младшей дочери такое оригинальное, необычное имя. Сам папа объяснял это так. Имя Бландина связано с подлинным историческим событием. Все это происходило во Франции, тогдашней Галлии, в IV веке нашей эры. Сохранились подлинные рукописи, где описаны страдания Лионских мучеников. В Лионе они были брошены на арену на съедение диким зверям. Бландина, 16-летняя служанка в одной христианской семье, попала на арену вместе со своими хозяевами. Она очень боялась, плакала, так как имела представление о предстоящих муках, но в последний, решительный момент проявила истинное мужество и обрела мученическую кончину.

Папу пленил нравственный облик этого юного создания, это, во-первых; а во-вторых, привлекла его к этой теме и подлинность актов о Лионских мучениках, хранящихся теперь в одном из городов Франции. (Прим. Е. П. Кудрявцевой).

Здесь имеются в виду Лионские (Лугдунские) мученики, пострадавшие при императоре Марке Аврелии в 177 г. в г. Лугдун (ныне — Лион, Франция). Важнейшим письменным источником, содержащим сведения о них, является Послание Лугдунской (Лионской) Церкви, которое сохранилось лишь в виде пространных фрагментов на греческом языке в составе «Церковной

город-Северске и выехала, только получив телеграмму о кончине отца. Старшая дочь, Екатерина (пишущая эти строки) была отделена от Киева тысячами километров¹⁰⁷. И, естественно, не могла присутствовать даже на похоронах отца.

Боле папа недолго.

Он был, вообще, тем, что теперь называется «сердечником». Но дожил папа, все же, до семидесяти годов и это только потому, что он вел так называемый «умеренный» образ жизни — совершенно не пил, не курил, не было в его образе жизни никаких излишеств. Так как-то сложилось. И теперь, когда я мысленно воссоздаю весь его жизненный путь, мне хочется сказать о нем словами Шиллера:

*Ich habe genossen das irdische Glück,
Ich habe gelebt und geliebet...*¹⁰⁸

или в моем несовершенном переводе:

*«Я на земле земное все свершил:
Я на земле любил, — я жил...»*¹⁰⁹

Так вот! Заболел он 30 июня. Пришел из библиотеки Академии наук, где он работал над какой-то темой (не знаю, какой именно), почувствовал себя плохо, лег в кровать, собственно даже прилег, но встать ему уже не пришлось... Обнаружились признаки грудной жабы (стенокардия), от которой он и скончался.

Хоронили его, по обычаю, на третий день.

«Все эти дни, — писала мне мама, — пока папа лежал дома, было так много народу и так много цветов...».

И хотя Соломенское кладбище расположено очень далеко от того района (Подола), где мы жили в то время, но папа похоронен именно там, рядом с своим другом Василием Ильичом Экземплярским¹¹⁰.

Через 17 лет, 13 декабря 1957 года там же оказалось место последнего упокоения и верной спутницы его жизни, нашей мамы.

В данное время составляется мемориал — описание Киевских кладбищ, где, предполагается, будет указано место погребение кое-кого из ки-

истории» Евсевия Памфила (кн. 5, гл. 1–4; Рус. перевод: Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С. 157–171). Видимо, именно это послание Е. Кудрявцева называет «актами о Лионских мучениках». Подробнее см.: Зайцев Д. В., Королев А. А. Лутдаунские (Лионские) мученики // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 41. С. 541–550.

¹⁰⁷ На момент смерти отца Е. П. Кудрявцева пребывала в заключении в Краслаге на станции Решоты Красноярского края (на территории нынешнего Нижнеингашского района). Побывать на могиле отца получила возможность лишь в июне 1947 г., отбыв лагерный срок и вернувшись в Киев.

¹⁰⁸ Цитата из стихотворения Ф. Шиллера «Des Mädchens Klage» («Жалоба девушки»).

¹⁰⁹ Ср. перевод Н. К. Чуковского:

Уже я изведала счастье земли,

Уже отжила, отлюбила.

¹¹⁰ Могилы П. П. Кудрявцева и В. И. Экземплярского находятся на участке № 10 Соломенского кладбища Киева.

евских старожилов (принцип отбора мне не совсем ясен); во всяком случае, сотрудница, занимающаяся составлением такого мемориала, посетила меня, нашла с моих слов могилу отца и внесла ее в свой труд¹¹¹.

* * *

Кладбище Соломенское старинное, очень тенистое, все заросшее кустарником, высокими деревьями белой акации, а весной крест на могиле, словно подвенечной фатой, окутан ветвями цветущего жасмина, посаженного руками сестры моей Бландины.

На кресте простая надпись, а ниже слова из Св. Писания:

*«Будь верен до смерти и дам тебе венец жизни»*¹¹².

Надпись выбрана — слова из Писания — одним из любимых учеников отца (последнего выпуска) Алексеем Александровичем Глаголевым¹¹³.

Послесловие

Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

(Пушкин)¹¹⁴

«Непонятная грусть» тревожит меня потому, что сознаю все несовершенство своего труда. В этом кратком очерке, если можно так выразиться, я попыталась, в основном, отразить нравственный облик, характер отца, показать его таким, каким он был в семье, дружеском кругу; отразить так же основные моменты его мировоззрения и мироощущения.

Не знаю, право, насколько мне это удалось.

Е. К.

¹¹¹ Речь идет о киевском историке-архивисте и краеведе Людмиле Андреевне Проценко (1927–2000), долгие годы занимавшейся изучением исторического некрополя Киева. Первым обобщением собранного ею материала стала книга «Історія Київського некрополя: Путівник-довідник» (К.: Український письменник, 1994. 334 с.), которую имеет в виду Е. П. Кудрявцева. Сведения о могиле П. П. Кудрявцева на Соломенском кладбище Киева см. на с. 258.

¹¹² Откр. 2:10.

¹¹³ Алексей Александрович Глаголев (1901–1972), сын профессора КДА протоиерея Александра Александровича Глаголева, был студентом Киевской православной богословской академии в 1920–1924 гг., параллельно изучая филологические курсы и иностранные языки в Киевском институте внешних отношений. В 1920-х гг. входил в общину свящ. Анатолия Жураковского, вместе с которой приобщился к носифлянскому движению. Пережив в 1932 г. краткосрочный арест и будучи лишенным избирательных прав, до середины 1930-х зарабатывал на жизнь, трудясь разнорабочим. По окончании физико-математического факультета Киевского педагогического института (1936–1940) работал на кафедре физики. В октябре 1941 г. принял священнический сан. Оставаясь в Киеве в годы немецкой оккупации, вместе с семьей спасал евреев от расстрелов в Бабьем Яру, за что впоследствии (1991) был удостоен звания Праведника народов мира (этого же звания удостоены его жена Татьяна, дочь Магдалена и сын Николай). Всецело посвятив себя пастырскому служению, до конца жизни священствовал в киевских храмах на Подоле и Соломенке в сане протоиерея, снискав любовь и уважение верующих. Подробнее о нем см.: Яковчук В. В., свящ. Глаголев Олексій Олександрович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 1. С. 378–381.

¹¹⁴ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Труд» (1830), написанного в связи с окончанием работы над поэмой «Евгений Онегин».